

Martina Björklund
Åbo Akademi University

On the Russian agentive passive

1 Introduction

The passive is one of the grammatical categories most discussed in the linguistic literature. In some recent studies, different definitions and delimitations are proposed (for an overview, see Israeli 1997:157-168); the general constraints on passivization are explored (e.g. Aijimer 2002); the interaction between voice and other grammatical categories are studied (e.g. Poupynin 1999; 2002); the pragmatic meaning of the passive is discussed (Israeli 1997:170-197).

There has been a long tradition of viewing the passive as derived from the active through rewriting or transformation and of considering the two constructions as synonymous. More recently, both of these claims have been questioned. For instance, according to Langacker (1991:127; 143 [1982]) passive clauses do not derive from active clauses. Although the two composite structures designate the same objective process and code it with much the same lexical content, they are arrived at by different compositional paths. Thus although such clauses are approximate synonyms, they are still semantically distinct because of analyzability. Zolotova et al. (1998:133) convincingly demonstrate the lack of synonymy between the active and the passive in certain contexts. (See also Israeli 1997:170-172 and Poupynin 2002:60.)

In this study I will focus on agentive passive clauses in what has been put forth as the main function of the passive, namely the thematization of the passive subject, which corresponds to the object of the active clause, and the rhematization of the passive agent, which corresponds to the subject of the active clause (see e.g. Siewierska 1986:222; Khrakovskii 1991:170-171; Zolotova et al. 1998:132). However, Russian word order also allows active clauses with the same information structure. I will thus compare the use of passive and active constructions that thematize the same constituent.

In order to gain understanding of the nature and use of the Russian agentive passive in the thematizing function, I will first take a cognitive linguistic perspective on the grammatical forms that are normally used in Russian passive constructions. (I will thus not discuss passive participles formed from imperfective verbs and reflexive passives formed from perfective verbs). Secondly, I will describe reproductive versus informative discourse and the use of the passive in these two types of discourse according to Zolotova et al. (1998). Finally, I will study three combinations of verb + object in agentive passive clauses and in active clauses with the same information structure as they occur in actual texts. The material was gathered from the Internet (www.rambler.ru) in August 2002. The three combinations of verb + object are: *открывать/открыть дверь*, *писать/написать портрет*, *нарушать/нарушить закон*. These verbs + objects were based on examples that can be found in the linguistic literature on the Russian passive.

2 The grammatical morphemes

As Langacker says, all the grammatical morphemes [used in the English passive] “are meaningful and figure actively in the semantic structure of passive expressions, contributing to their semantic distinctness from the corresponding actives” (Langacker 1991:127). Undoubtedly, this holds for the Russian passive as well.

As shown by Enger & Nessel (1999) in their CG network, the verbs in *-ся* used in the imperfective passive can be seen as the result of extension relations from the prototypical reflexive via autocausative, spontaneous event, and quasipassive (such as *книга легко читается*), to reflexive passive (like *Такие книги читаются широкими массами*). (For a detailed discussion of the semantics and pragmatics of all types of verbs in *-ся*, see Israeli 1997.) When it comes to the quasipassive and passive, a demotion of the actionality and actuality of the verb in *-ся* has occurred (Zolotova et al. 1998:131), so that the verb expresses a processual state, rather than a happening or event. The reflexive passive is thus most widespread in texts, which inform us about facts that are abstracted from any concrete time and place, often in clauses that attribute some special quality to a certain class of objects (Zolotova et al. 1998:340).

Langacker’s (1991:131-134) analysis of the verbal morphemes of the English passive seems quite adequate for the verbal morphemes of the Russian periphrastic

passive as well. It is my impression that the Russian past passive participle imposes basically the same image in the schematic base process as the English perfect participle. Thus, first it effects a figure/ground reversal with respect to the central participants, turning the primary landmark (i.e. the object) into trajector (i.e. passive subject). Second, although profiling all the states of the base process, it imposes an atemporal construal, viewing them holistically by means of summary (as opposed to sequential scanning). The auxiliary *быть* can impose a certain processual construal on the Russian periphrastic passive (but apparently not to the same extent as the English *be*). As pointed out in studies of the Russian passive, the periphrastic passive with the auxiliary *быть* can have both a stative reading and a dynamic or resultative reading (Zolotova et al. 1998:334). But as Zolotova et al. also point out, the passive lifts the state of affairs above a concrete actual time and takes it outside the boundaries of a concrete subjective sphere. Consequently, the inner temporal and subjective perspective on the situation is closed. An actional predicate turns into a type of state viewed from outside (Zolotova et al. 1998:342-343).

Concerning the agentive phrase, following Janda's *Case Book for Russian*, I view the Russian passive agent in the instrumental as an extension of *instrumental: a means*. This makes the passive agent low in salience in its role as the originator of the event (Enger & Nessel 1999:40-41). Compare Israeli's (1997:176) finding that the agent of the action in non-discourse initial passive constructions is either an expected one or immaterial for further discussion.

What the cognitive characteristics of the grammatical morphemes forming passive constructions in Russian bring about is thus a demotion of actionality, actuality, and agentivity in addition to the figure/ground reversal (Zolotova et al. 1998:131), which turn the passive into an "interpretive category" (Zolotova et al. 1998:329). Using a passive actional construction, the speaker combines data of immediate observation with elements of knowledge that is temporally detached from the situation described (ibid.). All this has consequences for the possibility/tendency of using the passive in different types of discourse: spoken vs. written and reproductive vs. informative discourse. It has been pointed out that the passive is avoided in spoken language (Babby and Brecht 1975; also

see Israeli 1997:157-158, 171). Reproductive vs. informative discourse is discussed in the next section.

3 Reproductive vs. informative discourse

Zolotova (1982) makes an important distinction between reproductive discourse and informative discourse. In reproductive discourse, the events and states are tied to an observer who has seen and heard what is narrated or described, and the discourse builds up or reproduces a text world that we are invited to view from the vantage point of the observer (see section 4.1 below, examples 2 and 6). Informative discourse is construed so that the situation we are informed about is abstracted from the concrete duration of the action – the author/narrator is totally detached from the text world: S/he speaks what she knows (cf. all the other examples in sections 4.1-4.3 below).

Due to the demotion of actuality and actionality in the verb forms used in the Russian passive, active and passive clauses can thus function roughly synonymously only in contexts where the discourse construal is abstracted from an inner temporal and subjective perspective, viz. in informative discourse (Zolotova et al. 1998:203). In reproductive discourse, there are rare instances of the agentless imperfective passive (Zolotova et al. 338), while the resultative or dynamic passive can only be used in order to achieve special effects (Zolotova et al. 1998:334-335). All the examples discussed by Zolotova et al. are agentless dynamic passives.¹

In the following section, I will study the manifestation in actual discourse of the chosen three combinations of verb + object in agentive passive clauses that thematize the object and rhematize the subject as compared to active clauses with the same information structure.

---

¹ One of the examples discussed by Zolotova et al. is Chekhov's story *Shvedskaia spichka*, where passages of reproductive narration include passive sentences like *Pristupleno bylo k vzlomu* (quoted from Zolotova et al. 1998:335). In the context of Chekhov's text, such sentences imitate the style of police reports (cf. examples 4 and 5).

4 Study of three verbs + object

Verbs (together with their objects) designate different types of processes or situations. Some of them are readily observable in their entirety, such as ‘to open a door’, while others are observable only in some phase or other: It is, for instance, possible to observe someone painting a portrait, but one would normally not observe the whole process from beginning to end. Still other verbs designate situations that are not observable in the form of a concrete process or action, but rather they designate an interpretation of a concrete action according to some standards. ‘To break the law’ is an example of a situation that is not observable as such, but presents an interpretation: For instance, to open a door is in certain situations to break the law. In the following subsections, I will discuss these types of situations, their possibility and/or tendency to be used in agentive passive clauses, and the textual function of these clauses.

4.1 *Открывать/открыть дверь*

Passive clauses involving a certain Oleg opening a gate (*Калитка открывается/открывалась/была открыта Олегом*) appear in many linguistic studies of the Russian passive (Babby & Brecht 1975; Leinonen & Östman 1983; Siewierska 1986; Israeli 1997). As there were very few instances involving the opening of gates on the Internet, I substituted ‘door’ for ‘gate’ in my search for occurrences of an observable situation in the form of agentive passive clauses. Thus I searched the Internet for the passive paradigm: *дверь открывается ...; дверь открывалась ...; дверь открыта ...; дверь была открыта ...*. It still turned out that there were quite few agentive passives, whereas there were hundreds of active clauses with the same information structure as the passive ones. Most of these active clauses occurred in reproductive discourse.

The imperfective passive paradigm was only represented by *Передняя дверь открывается водителем* in example (1) below.

(1) Чтобы открыть дверь нужны совместные усилия водителя и пассажира. Водитель открывает защитный механизм и над дверью загорается зеленая лампочка. После этого пассажир должен, в зависимости от типа автобуса (наступить на ступеньку, прикоснуться к специальному поручню, помахать рукой перед инфракрасным индикатором, в самых старых автобусах нужно сильно надавить на поручень и держать его пока выходишь) и только после этого дверь откроется. Это касается задних дверей. *Передняя дверь открывается водителем.* Автобусы последних моделей все оснащены кондиционерами. Что было особенно приятно в 40 градусную жару.

http://canadka.chat.ru/part_1.html

This discourse fragment is a description of how the doors of a certain type of Canadian buses are opened. The clause under discussion is a typical example of the widespread use of reflexive passive clauses to attribute a special quality to a certain class of objects. Thus both the actionality and actuality of the verb are demoted and the discourse is clearly informative. The text producer writes what s/he knows. Although the passive agent is rhematic from the point of view of information structure, the agentive phrase is demoted in the sense that the agent is the logically predictable one, and he is of no importance for the further development of the text.

A passive clause such as the one in (1) would be impossible in the context of example (2), which represents reproductive discourse: A first person narrator tells us about what he has seen and heard.

(2) Ну, ладно, думаю, пора идти. Звоню. *Дверь открывает Муся Татарович.* Действительно, синяк под глазом. К тому же нижняя губа разбита и поцарапан лоб.

– Не смотри, – говорит.

– Я не смотрю. А где он?

– Рафка? Убежал куда - то в расстроенных чувствах.

<http://dovlatov.km.ru/books/inostr.html>

In this narrative rendering of an actual process that takes place in a concrete location, we find the active sentence *Дверь открывает Муся Татарович* with the object as thematized given information and the subject as rhematized new information. In this case the originator of the event, i.e. the subject, introduces a participant that is important for the subsequent development of the story. There are hundreds of similar sentences on the Internet. They typically occur in literary texts, but also in anecdotes and other reproductive discourse.

Thus because of the differing possibilities of use in discourse, active and passive clauses involving observable simple situations cannot be considered to be conversives or synonyms (cf. also Israeli 1997:157-158, footnote 1).

The perfective passive paradigm was only slightly more represented. There were four cases of periphrastic passive with the auxiliary *быть* and only one case without auxiliary, namely example (3) below.

(3) Широко открыта дверь прощения, спасения, победы, торжества и радости. Она открывает Филадельфийской церкви доступ к Его Слову, к молитве. Она также открыта для служения в Его винограднике, для свидетельства и для распространения Благой вести, для сеяния доброго семени. Более того, *дверь открыта Им*, чтобы пожинать плоды!

<http://rusbaptist.boom.ru/dop/razdelen.htm>

The clause *дверь открыта Им* is stative, the agent (God) is predictable and the discourse is clearly informative.

Examples (4) and (5) contain two of the four occurrences of periphrastic passives with the auxiliary *быть* (the other two are found in texts of quite strange and obscure content).

(4) 18 ноября 2001 года по адресу: ул. Урицкого, 51, кв. 181 по сообщению соседей о запахе газа *дверь была открыта нарядом милиции*. Квартиросъемщик находился в нетрезвом состоянии. Был открыт краник духовки газовой плиты, а

газ не зажжен. Только благодаря бдительности соседей и оперативным действиям аварийной бригады предотвращена трагедия.

<http://www.arhpress.ru/volna/2002/1/15/5.shtml>

- (5) Хозяйка квартиры стала кричать, зов о помощи услышали соседи, которые вызвали милицию. Приехавшие по вызову, бойцы группы немедленного реагирования Верх-Исетского РУВД задержали всех четырех злоумышленников.

После того как страсти утихли, хозяева квартиры попытались открыть дверь, но у них ничего не получилось: четверка молодых людей так сильно била по ней ногами, что дверь деформировалась. Только спустя некоторое время *дверь была открыта спасателями «Совы»*.

http://www.api.ural.ru/news/news_id/17234

Example (4) and (5) represent a special style of police reports. We are given a retrospective reconstruction and interpretation of the events from an outer perspective. The discourse is clearly informative. Moreover, the agents are of a logically predictable type and they are not further elaborated on in the continuation of the texts. Although an active clause with the same information structure could be used in informative discourse, I found no examples of such active clauses in this type of context. Most of the several hundred instances of active clauses of the pattern *дверь открыл/а/у X* that can be found on the Internet come from reproductive discourse, especially from detective stories and other literary texts. Consider example (6).

- (6) От метро до дома Серпилин шел пешком. Шел, ни о чем связно не думая, только все прибавляя и прибавляя шаг. Если бы были силы, он побежал бы, но сил уже не было.

Поднявшись по темной лестнице на третий этаж, он пошарил на привычном месте звонок, не нашел и постучал кулаком. *Дверь открыла женщина, показавшаяся ему незнакомой*.

Серпилин спросил первое, что пришло в голову: "Вы врач?" — но тут же понял, что она не врач. На женщине был бумазейный халат, она одной рукой придерживала его на груди, а в другой держала сковородку с жареной картошкой.

<http://orel.rsl.ru/nettext/russian/simonov/sol.02.htm>

In this fragment of reproductive discourse the narrator and the reader observe the opening of the door together with the protagonist. The subject of the clause *Дверь открыла женщина* introduces a participant that we learn more about in the subsequent sentences. In such a context the passive is excluded.

4.2 *Писать/написать портрет*

The examples *портрет пишется/ написан художником* from *Russkaia grammatika I* (1980:613) prompted the search for the passive paradigm: *портрет пишется ...; портрет писался ...; портрет написан ...; портрет был написан ...*. The search yielded no instances of imperfective agentive passives. (Later one instance of *Портрет пишется художником* has appeared, namely the *Russkaia grammatika* example in the Internet version of the grammar. This artificial example does not alter the corpus.)

In the perfective paradigm, I found agentive passives both without (16) and with the auxiliary (11), see examples (7) and (8).

(7) Вуаль Жан Луи

1774 г.

Князь Андрей Иванович Вяземский (1750 - 1807) сенатор, действительный тайный советник, кавалер орденов Александра Невского и Анны I - ой степени *изображен* в зеленом мундире офицера армейской пехоты с серебряным эполетом на левом плече и нагрудным офицерским знаком. *Портрет написан французским художником Ж. Л. Вуалем, тонким и лиричным мастером портрета*, проводшим в России долгие годы и создавшим галерею портретов

членов семьи императора Павла I и представителей знатных дворянских родов России.

Андрей Иванович Вяземский – отец известного поэта П.А. Вяземского.

http://www.hermitage.ru/html_Ru/03/hm3_6_4a.html

(8) Портрет графини П. И. Шереметевой

Тип: живопись

Автор: Аргунов Н. И.

Датировка: 1801 - 1802 годы

Техника: масло, холст

Описание: На портрете - графиня Прасковья Ивановна Шереметева, жена графа Николая Петровича Шереметева, представителя одного из древнейших и богатейших родов России. *Портрет был написан крепостным мастером графов Шереметевых Николаем Аргуновым* в недолгую бытность Прасковьи Ивановны графиней Шереметевой и *получил* известность как "Портрет П. И. Жемчуговой - Шереметевой в красной шали". Изображена с миниатюрным портретом гр. Н. П. Шереметева.

<http://www.museum.ru/C3055>

These are informative texts that describe paintings. The agentive passives name the authors of the paintings. The names of the painters are also mentioned earlier in the texts and thus the agents are the expected ones, which is typical for passive agents in non-initial clauses (Israeli 1997:176). Both forms of the perfective passive paradigm can be used in this type of text, depending on the surrounding context. In (7) different characteristics of the portrait are described – without elements of narration – one of them being the name of the author. Cf. the verbs *изображен* > *написан*. In this context *был написан* would break the logic and coherence of the text. In (8) the sentence that attributes the portrait to its author introduces a narrative element into the text and *был написан* is the only possible choice because of the verb form *получил* in the latter part of the sentence.

If a passive sentence attributing a given painting to its author (= new information) occurs in an informative narrative context *был написан* is used, see example (9).

(9) Однажды в доме на Пресне появился меценат и владелец знаменитой картинной галереи Павел Михайлович Третьяков. Он попросил В. И. Даля разрешения написать с него портрет. Даль согласился. *Портрет был написан знаменитым русским художником Василием Перовым*. Работа над портретом продвигалась медленно. Даль сидел в том самом зале, где был написан словарь, в кожаном кресле с высокой спинкой. В начале года 1872 портрет был закончен. Даль получился точно такой, как в жизни. Глубокий старик.

<http://www.pereplet.ru/text/dal.html>

Here the focus is on the portrait. The passive agent is not mentioned earlier in the text, but he is, however, not totally unexpected: Portraits of famous people tend to be painted by famous painters. The painter himself is also quite immaterial for the continuation of the text, which is about Dal' and his portrait. The active construction is not possible, as it would put too much focus on the painter.

In other contexts of informative narrative, the active construction with thematized object and rhematized subject occurs, see example (10).

(10) Но вернемся к Авроре Карловне. Сомнительно, чтобы женщина, обладающая ее достоинствами, с большим уважением относившаяся к традициям старинных дворянских родов Демидовых и Карамзиных, обеспеченная, независимая, могла продать фамильную драгоценность, столь дорогую ей как память о супруге – бриллиант "Санси". Скорее всего, Аврора Карловна завещала его после своей смерти одной из своих самых близких родственниц. Этим лицом вполне могла быть внучка - Аврора Павловна Карагеоргиевич - женщина ослепительной красоты, *ее портрет написал Константин Маковский*.

Аврора - внучка не на много пережила свою бабушку и скончалась в 1904 году. Ее наследником был сын – Павел Югославский, в то время еще несовершеннолетний.

http://www.fine-minerals.ru/story/stories_13.htm

In this narrative fragment about the destinies of a brilliant in terms of possible actions by its owner, the passive clause is only a parenthetical remark stressing the extraordinary beauty of Avroora Pavlovna. The givenness of the object *ее портрет* is inferable from our knowledge of the world: people belonging to the aristocracy tended to have their portraits painted. The author of the painting is introduced in the rhematic subject of an active clause, although he is not further elaborated on in the text (as the subjects in example (2) and (6) are). However, the passive would not be possible, since it would put too much focus on the portrait.

In informative narration, the active and the passive can thus be used, and at first glance they could seem more or less interchangeable. However, when it comes to actual texts the one or the other is preferred for reasons having to do with the internal logic and coherence of the text. On the whole, the passive and the active were used about equally much on the Internet: 27 instances of *портрет написан* + *портрет был написан*; and 24 instances of *портрет написал/а* + *портрет писал/а* ("general fact").

4.3 *Нарушать/нарушить закон*

The search for the passive paradigm: *закон нарушается ...; закон нарушался ...; закон нарушен ...; закон был нарушен ...* was inspired by an example in Khrakovskii (1991:170) containing *эти принципы систематически нарушаются американцами*. In order to find more examples I substituted *закон* for *принципы*.

As expected, this "interpretive" verb was found only in informative discourse. The whole paradigm, except for the imperfective preterit, was found in agentive passive clauses. In the present tense, the passive and the active may seem interchangeable. Consider example (11) and (12).

(11) В демократическом государстве должен править Закон, а не абстрактные, пусть и демократические, лозунги, и уж тем более не идеологические кампании.

Но есть и другая сторона проблемы. Что делать, когда в государстве отсутствуют либо подавляются институты политического участия народа, *когда Закон нарушается теми, кто призван стоять на его страже*; когда вектора развития общества и государства идут в прямо противоположных направлениях; когда извлечение чиновниками своекорыстных интересов становится притчей во языцех; когда “однозначный акцент лишь на экономическую мощь и стабильность оборачивается рождением нового авторитарного правящего синдиката, класса новой буржуазии с особыми привилегиями и новой клики”; когда традиции культа личности еще живучи и сознательно поддерживаются определенными кругами бюрократии, заинтересованной в наличии “сильного человека”?

<http://www.continent.kHz/1999/pilot/24.html>

(12) В.Т.: Идея господства закона имеет давние корни. Еще Платон писал: “Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей–либо властью”.

Закон должен властвовать над всеми, вторил ему Аристотель.

У нас же в первую очередь *закон нарушают те, кто призван стоять на его страже*.

Ю.М.: Безусловно, закон должен господствовать, но он не всесилен и не может быть панацеей от всех бед. Пока же распространено (даже среди парламентариев) мнение, что для решения какой–либо проблемы достаточно издать закон, предусмотрев в нем жесткие санкции. Но ведь на реализацию закона должна работать вся система факторов — экономических, политических, идеологических социально–психологических, нравственных.

Есть закон о своевременной выплате и индексации зарплаты, пенсий, пособий. Но экономика не готова к его реализации.

Парламентарии, принимая закон, должны хорошенько подумать, а своевременен ли он. В противном случае получается, что государство, издав закон, само же первым его нарушает. В общественном сознании происходит деформация, углубляется недоверие и неуважение к закону.

<http://VB.kernel.kg/1999/12/17/10.tm>

However, the contexts where the two clauses appear are quite different. Example (11) is a description of the typical qualities of different aspects of a certain type of society the role of the Law therein, while (12) is an interview where the interviewer wants the interviewee to talk about the actions of those who are supposed to defend the law, holding them responsible for their. The interviewee eventually does so in the last paragraph of (12).

Somebody's breaking of the law surfaces both in the passive and in the active with thematized object, but the active is favoured. There were only 7 passives, whereas there were 62 actives. It may be that the low salience of the originator of the event in the passive makes the passive unsuitable for many contexts where breaking the law is discussed. An active subject will seem more responsible for his/her action than a passive agent will. There is probably also less need to talk about the breaker(s) of the law as a special quality of the law, than to talk about the actual breaking of the law by somebody. In all 7 instances of imperfective passive clauses, the agentive phrases denoted organisations or a group of people not referred to by their names. Many subjects in the active clauses also referred to organisations and groups, but we also find named persons as in (13) below.

(13) Москва сейчас больше похожа на зону строгого режима, нежели на столицу России. Г-н Лужков забывает, а возможно не знает, что надо соблюдать законы той страны, в которой он живёт. А он открыто заявляет о том, что ему "плевать" на Конституцию. О чём можно тогда говорить дальше? Возможно Юрий Михайлович живёт вовсе не в России, а в своей личной стране под названием Москва, которая больше напоминает стадо баранов и одного пастуха. А его

родная милиция, которая пока неизвестно кого бережёт, выступает в качестве гонимых псов, умело расставленных на каждом перекрёстке.

Я не сомневаюсь в том, что г-н Лужков патриот своего города, но если бы он получше изучил ситуацию с тем, кто работает в Москве, то, возможно, был бы удивлён. Ибо большинство руководителей московских компаний - это далеко не москвичи. А между прочим эти люди дают рабочие места и платят налоги в московскую казну.

Москва - Москвой, а закон - законом, он един для всех. И если *закон нарушает такой высокопоставленный чиновник как г-н Лужков*, то имеет смысл задуматься о той деградации, к которой мы пришли. Поверьте, это далеко не демократия. Это называется иначе.

<http://retro.www.msk.ru/opinion/245>

In view of the preceding text, the subject of the clause *если закон нарушает такой высокопоставленный чиновник как г-н Лужков* is quite expected and he is not further mentioned in the text, which are typical qualities of the agent of a non-initial passive clause. However, Luzhkov is the focus of attention of the whole text and a passive clause would not put enough stress on him and his breaking of the law.

As for the perfective passive paradigm, both forms were only sparsely represented. There was only one instance without auxiliary, while there were four with the auxiliary. The number of active clauses with the same information structure as the passive clause was 33 (*нарушил*: 26; general factual *нарушал*: 7). In example (14) the passive agent is an expected one, and the tense form is in accordance with surrounding text.

- (14) 11. Суды кассационной инстанции в своих выводах должны ссылаться на материальный и процессуальный закон (Сборник постановлений Пленумов по уголовным делам, "Спарк", с. 79). При этом должно быть точно указано, *какой закон нарушен судом первой инстанции* и в чем состоят нарушения, какие основания, указанные в законе (ст. 342 - 347), положены в основу отмены или изменения приговора.

<http://www.s-and-b.ru/law/upk/comm/369.html>

In the context such a legal text an active clause would break the norm of the text genre. In view of what has been said about the passive as an "interpretive category" (section 2), the passive is very much in tune with the purpose of legal discourse.

Also in the perfective past tense, both the passive and the active construction are possible in informative discourse. But different surrounding contexts favor the one or the other. Consider (14) and (15).

(15) О других несомненных нарушениях прокурор отозвалась совершенно в духе депутата Михайлова: они несущественны. Тем самым внесен принципиальный вклад в юриспруденцию: раньше считалось, что *закон или нарушен - или не нарушен*, "да" или "нет", теперь же появилась новая категория: "*Да, нарушен, но не очень!*"! Открываются заманчивые перспективы! Мало ли какие права граждан нарушат завтра - законодатели, администрация, милиция. Нарушат так очевидно, что отрицать беззакония окажется невозможно. Но на помощь будет призвана новейшая спасительная формула: *да, закон был нарушен - администрацией, милицией и тому подобными слугами народа* – но ведь не очень нарушен, а потому все ваши жалобы подлежат решительному отклонению!

<http://www.art.spb.ru/chulaki/articles/articles-15.11.99.htm>

(16) Касаясь ставшей традиционной темы прошлогоднего повышения зарплаты работникам бюджетной сферы с 1 июня, а не с 1 апреля, как то предписывал федеральный закон, Ольга Ильинична заявила, что "Карелия не оставила своих бюджетников в положении нищих". С октября была проведена индексация, по май следующего года все бюджетники получали по 100 руб. компенсации ежемесячно, отпускные учителям района были начислены с учетом повышения зарплат.

О. Гуркова напомнила, что прежде всего *закон нарушил федеральный центр*, не увеличивший, как того требовалось, объем финансовой помощи

республике. На уровне Муезерского района, по ее мнению, и сегодня изыскание 1,5 млн руб. только на двухмесячное повышение зарплат бюджетной сфере представляет собой неразрешимую задачу.

<http://gov.karelia.ru/gov/Karelia/608/20.html>

In (15) the passive agent is highly expected. In fact, earlier in the text, the same organizations figure as the subject of an active clause, talking about violating the rights of the citizens. The sentence is then rephrased to match the phrases *закон или нарушен - или не нарушен* and *Да, нарушен, но не очень*. In example (16), the active construction emphasizes the subject, focusing on the fact that it is the federal center (and not the Karelian republic) which has violated the law.

5 Conclusion

What my study of the use of non-initial agentive passive clauses involving three different types of action has shown is, first, that on the whole, the tendency to occur in the passive varies with type of action (at least on the Internet). The simple observable action of opening a door is rarely rendered in the form of an agentive passive clause, and if it is, the discourse is informative. In reproductive discourse, an active construction with the corresponding information structure is always chosen. To paint a portrait is an observable but quite complex action. It surfaced about as often in the agentive passive as in the corresponding active, but only in the perfective aspect and only in informative discourse. The non-observable action of breaking the law rarely surfaced in the agentive passive in comparison with the active. Secondly, the discourse type and the surrounding context are of prime importance when it comes to the choice between the active and the passive. Only the active is normally used in reproductive discourse, whereas there is a choice in informative discourse. However, when it comes to actual texts and context, in most cases only one construction is possible (or preferable). The choice depends on various factors, such as what the text is about (e.g. special qualities of an object or a person's actions); whether the focus is on the object or the agent of the action; the expectedness or

subsequent textual importance of the agent; and the generic conventions and inner logic of the text. The morphological make-up of the Russian passive construes a situation in an “interpretive” mode that detaches the event from its actual process and demotes the agent to a nonsalient expected or textually non-important originator. Such a construal is mainly congruent with different types of informative written discourse.

References

- Aijimer, K. 2002. Constraints on passivisation. A comparison of voice in the Russian and Swedish verb. *Komparativa studier i språk och litteratur*. Gusli working papers 10. Institutionen för slaviska språk, Göteborgs universitet. 11-46.
- Babby, L.H. and R.D. Brecht. 1975. The syntax of voice in Russian. *Language*. 51.2: 342-367.
- Enger, H-O. and T. Nettet. 1999. The value of cognitive grammar in typological studies: the case of Norwegian and Russian passive, middle and reflexive. *Nordic journal of linguistics*. Vol. 22 1999:1. 27-59.
- Israeli, A. 1997. *Semantics and pragmatics of the “reflexive” verbs in Russian*. Slavistische Beiträge 349. München: Verlag Otto Sagner.
- Janda, L.A. (Draft copy) *The case book for Russian*.
- Khrakovskii, V.S. 1991. Passivnye konstruktii. Bondarko, A.V. (otv. red.) *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'*. St. Petersburg: Nauka.141-180.
- Langacker, R.W. 1991. *Concept, image, and symbol. The cognitive basis of grammar*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter.
- Leinonen, M. and J-O. Östman. 1983. Karlsson, F. (ed.) *Papers from the Seventh Scandianvian Conference of Linguistics*, I (= Publications of the Department of General Linguistics, University of Helsinki, 9). Helsinki: Department of General Linguistics, University of Helsinki. 175-198.
- Poupynin, Y.A. 1999. *Interaction between aspect and voice in Russian*. Munich: Lincom Studies in Slavic Linguistics.
- Poupynin, Y.A. 2002. *The category of voice in connection with other grammatical categories in Russian*. Gusli working papers 12. Institutionen för slaviska språk, Göteborgs universitet.
- Russkaia grammatika* I. 1980. Eds. N.Iu. Shvedova et al. Moscow: Nauka
- Siewierska, A. 1986[1984]. *The passive. A comparative linguistic analysis*. London: Croom Helm.
- Zolotova, G.A. 1982. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa*. Moscow: Nauka.
- Zolotova, G.A., N.K. Onipenko & M.Iu. Sidorova. 1998. *Kommunikativnaia grammatika russkogo iazyka*. Moscow: RAN.